

Это — не решения на постановку водевиля Духовичного и Слободского «Факир на час». Здесь будет рассказано о некоторых удивительных обстоятельствах, связанных с постановкой этого водевиля коллективом художественной самодеятельности Черниковского машиностроительного завода в Башкирии. Обстоятельства эти замечательны тем, что при подготовке спектакля содержание водевиля тесно переплелось с действительностью.

А дело было так.

Клуб обратился к Московскому театру оперетты с просьбой оказать помощь в постановке спектакля. Это была вполне естественная просьба, так как коллектив театра перед этим торжественно заявил о своем шефстве над самодеятельным опереточным коллективом клуба.

Театр командировал режиссера С. С. Мызникову. Стоит ли говорить о том, какой теплый прием был оказан знамой гостье? Ей предоставили лучший номер гостиницы, создали все бытовые условия, окружили вниманием. Ей оставалось только верою и правдою послужить искусству.

Известно, что артисты и режиссеры, стремясь «создать правдивый образ», как они говорят, «входят» в роль. Московский режиссер Мызникова вскоре тоже вошла в роль. И еще как вошла!

Тот, кто видел «Факир на час», конечно, запомнит фоторепортера — спутника писателя Караванова. При помощи этого фоторепортера писателя приняли за гипнотизера. Пройдох-репортер извлекал все выгоды из создавшихся обстоятельств. Это ему принадлежат слова:

— Маэстро внушает вам пару пива... Нет, две пары пива!

И он получал пиво.

Вот в эту самую роль прочно «вошла» Мызникова. Она тоже «внушала». Из чисто женской стыдливости она не требовала, конечно, пару пива. Это было ниже ее достоинства. «Внушения» ее были значительно более солидными.

Освоившись в гостеприимном Черниковске и войдя в роль, Мызникова однажды сказала, мило улыбаясь:

— Знаете что? Уплатите мне 20 тысяч рублей за постановку!

— Сколько? — проценты ли растерявшиеся подшефники.

— Двадцать, спокойно продолжала она, — двадцать тысяч рублей.

— Это с нас? Рублей?

— С вас! Не копеек же!

— Не многовато ли?

— Нет. По-моему, как раз. И знаете что? Чтобы эти 20 тысяч были без вычетов! Я этого не люблю.

Пока потрясенные подшефники приходили в себя, Мызникова продолжала внушать:

— И еще вот что. Нужно закончить постановку за 20 дней!

— Не маловато ли? — растерянно переглянулись черниковцы.

— Нет, — резко продолжала Мызникова. — По-моему, вполне достаточно. Да, чуть не забыла: я чтобы в день спектакля был обеспечен билет на поезд!

Что было делать? — Пригласили гостью сами, не оправдать же обратно. И не улетела она, сразу видно — так вошла в роль, что ничего с ней не поделаешь. В связи с чрезвычайными обстоятельствами клубные работники провели экстренное, полное трагизма совещание. После бурных прений и сложных подсчетов финансовых возможностей ультиматум Мызниковой был принят.

И тогда началось! Впервые участники самодеятельности узнали, что бывают такие репетиции. В невероятной суете толклись они на сцене, не зная ни сна, ни отдыха. А режиссер их все подгонял. Подчас им казалось, что перед ними бренд-майор, тренирующий свою пожарную команду. И руководящий голос режиссера звучал, как пожарная сирена.

И вот — свершалось. На 19-й день аврала состоялась генеральная репетиция. Поднялся занавес и измученные пожарники... то-есть артисты, выбежали на сцену. Это было печальное зрелище: на глазах у всех спектакль затрещал по швам. Все были удручены за исключением режиссера. Она была удовлетворена спектаклем. Самую задачу она выполнила и завтра может уезжать.

На другой день за несколько часов до того, как должен был состояться первый спектакль, Мызникова отбыла из Черниковска. Но на роли она не выходила до самого последнего момента и продолжала внушать. Во-первых, ей нужно вручить билет на поезд; во-вторых, нужно отпечатать в программе ее фамилию более крупным шрифтом; в-третьих, на дорогу ее нужно обеспечить продуктами; в-четвертых, ее нужно проводить на станцию и посадить в поезд. И уже выглядывая из окна вагона, прощально помахивая платком, она сделала последнее внушение: на всякий случай ей нужно на дорогу еще 100... нет, 200 рублей!

Поезд умчал ее. Вслед ей донесся горестный вздох провожавших. Грусть разлуки? Нет, конечно! Прощальный вздох был горестным потому, что радость разлуки была омрачена печальными размышлениями о том, как возместить убытки, нанесенные вторжением шефа в кассу подшефного клуба. Оставалось только одно — начинать платные спектакли далеко еще не готового к постановке водевиля «Факир на час».

Спектакли сейчас идут. И представьте, — с успехом! Зрители очень смеются. Они знают историю этой постановки, и когда артист произносит слова: «Маэстро внушает вам пару пива... Нет, две пары пива!» — в зале раздаются всеобщий хохот. Они вспоминают Мызникову. Но все-таки убытки клуба еще далеко не покрыты, и горестные вздохи все еще раздаются в этом городке, особенно в вечерние часы, когда клубные работники подсчитывают содержимое своей весьма оскудевшей кассы. Слышит ли эти вздохи подшефных режиссер Мызникова?

Или, может, услышит их сам шеф — Московский театр оперетты? Прислушайтесь, шеф!

И. ХАНИН,

редактор заводской газеты «Стадиона».

Т Р У Д

11 АПР 46